

Анатолий Курчаткин

БАБИЙ ДОМ

Анатолий Курчаткин

Бабий дом

Текст предоставлен правообладателем

Бабий дом: Москва; 1986

Аннотация

Это очень женская повесть. Москва, одна из тысяч и тысяч стандартных малогабаритных квартир, в которой живут четыре женщины, представляющие собой три поколения: старшее, чье детство и юность пришлось на послереволюционные годы, среднее, отформованное Великой войной 1941–45 гг., и молодое, для которого уже и первый полет человека в космос – история. Идет последнее десятилетие советской жизни. Еще никто не знает, что оно последнее, но воздух уже словно бы напитан запахом тления, все вокруг крошится и рушится – умывальные раковины в ваннах, человеческие отношения, – «мы такого уже никогда не купим», говорит одна из героинь о сервизе, который предполагается подать на стол для сервировки. Хочется любви – а любовь ускользает из рук, как призрак, хочется тепла – а вместо тепла душу обдаёт ледяным холодом, ищешь спокойствия – получаешь войну. Женская душа, призванная вносить в мужской «охотничий» хаос гармоническое начало, разодрана и рассыпана, в ней нет опоры ничему, и кто в том виноват? Степень погружения автора в женское сознание, женские заботы и страсти такова, что возникает ощущение: он смотрит на мир изнутри этой жизни – без

остатка растворившись в женщине и отдав ей все права судить и оценивать мир. Следует заметить, что именно по повести «Бабий дом» снят – с некоторыми сюжетными изменениями – любимый уже несколькими поколениями женщин фильм «Ребро Адама» с великолепной Инной Чуриковой в главной роли.

Анатолий Курчаткин

Бабий дом

© А. Курчаткин 2017

* * *

1

Велика Москва. Боже, до чего велика она! И живи ты в ней хоть с рождения, а занесет тебя грохочущая подземка куда-нибудь в Свиблово, завезет скрипучий автобус в какое-нибудь Бескудниково, выйдешь на волю, оглядишься – да неужели это все тот же город, в котором судьбой досталось жить и тебе?

Но тот, однако, тот. Лезут вверх глыбы домов, блещут стеклом окон бетонные соты квартир в них – а там жизнь, люди там, счастье там и беды; все свое у каждого, и у всех одинаково. Дымят, жреческим фаллосом вонзившись в распахнутую небесную синь, трубы припавших к земле закопченными корпусами бессчетных заводов, хлопают широкими дубовыми дверьми, впуская-выпуская народ, респектабельно-суровые учреждения с неясного смысла аббревиатурным названием на черной доске – Москва дышит, Москва

стучит своим многомиллионным сердцем, гонит по артериям алую кровь, возвращая по венам темную, выжатую, бескислородную... живет Москва. А год от рождества Христова идет то ли тысяча девятьсот семьдесят девятый, то ли тысяча девятьсот восемьдесят первый... но был ли он в самом деле, Христос, сын божий? А вот Революция была, и уж точно, что перевалила она на седьмой десяток и подбирается к его середине. И научно-техническая революция свершилась, спутники летают в небе, сделанные руками твари дрожащей – homo sapiens, холодильники урчат на кухнях, храня закупленные впрок продукты, воздух пронизан невидимой паутиной радио и телеволн, и «цветная» или «черно-белая», в зависимости от марки телевизора, Алла Пугачева поет пронзительно со всех экранов, для всех вместе и для каждого в отдельности: «Правы, мы оба правы!...»

Какой она была высоты, башня в Вавилоне, которой хотели дотянуться до неба? Сто метров, двести, триста? Уж до пятисот-то семнадцати, на которые взметнулась игла Останкинской телебашни, едва ли дотянулись вавилоняне...

* * *

Утро было как утро, самое обычное.

Серенький блеклый рассвет вливался через окно, в комнате стояли полупотемки, и Нина Елизаровна, проснувшись, как всегда, до звонка будильника, лежала на своем ди-

ване-кровати с открытыми глазами, смотрела через свободное пространство комнаты на безмятежное во сне юное лицо Ани, спавшей на раскладушке, расставленной на ночь подле обеденного стола.

«Ай, какие они вышли разные», – подумалось ей о дочерях. Она отвела взгляд от Ани, скользнула им быстро по ковраному бронзовому подсвечнику с толстой витою свечой, так удачно оживлявшему ту, дальнюю стену за столом, перевернулась на спину, и взгляд ее уперся в нависающую над диваном-кроватью свирепую медвежью голову с переброшенным через нее ружьем. Ружье было старой работы, с ложей, инкрустированной серебром, и Нина Елизаровна знала, что оно придает этой их затрапезной, малюсенькой современной квартирке, обставленной стандартной, ширпотребовской мебелью: громоздкий платяной шкаф, уродливо низкий сервант, бездарно плоскогрудый книжный шкаф, тонконогий журнальный столик с двумя примитивными креслами возле него, – придает этой их квартирке некий налет не то чтобы роскоши или изысканности, но, во всяком случае, необычности, нестандартности – вот как.

Странное, неизъяснимое удовольствие доставляли ей эти короткие минуты перед звонком будильника. Она оглядывала комнату, забираясь взглядом в самые дальние ее уголки; с каждым гвоздиком, вбитым в стену, с каждым ввернутым шурупчиком были связаны свои воспоминания, и они грели ее. Ей нравилась ее квартирка, нравилось, как там оживает

дальнюю стену подсвечник, как облагораживает общий вид квартиры медвежья голова с ружьем... Одно ее раздражало – лежащая посередине комнаты вверх дном голубая умывальная раковина, которую нельзя было затолкать никуда в угол, потому что все углы были заняты мебелью, нельзя даже убрать под стол, потому что тогда нельзя было бы приставить к нему вплотную стулья, – и Нина Елизаровна старалась во время этих утренних оглядов не смотреть вниз, на пол.

Резкий, пронзительный звонок будильника раздался, как всегда, неожиданно. Будильник стоял на столе, дотянуться до него, нажать на кнопку, чтобы оборвать звонок, сподручнее всего было бы Ане, но она лежала себе и лежала, без малейшего движения, будто и не сверлил над ней воздух пронзительный звонок.

– Аня! Аня! – прошептала Нина Елизаровна со своего дивана. – Ну, нажми же! Бабушка проснется.

Аня со стоном приподняла голову и тут же повалилась обратно на подушку:

– О-ой, сейчас!..

Нина Елизаровна вскочила с постели, прошептала гневно:

– «Сейчас» твое!.. – дошлепала до стола и зажала звонок. – Совсем о других лень подумать. Бабушка сегодня до трех часов не спала!

Аня снова попыталась оторвать голову от подушки, и снова у нее ничего не вышло. Лишь протянула все так же:

– О-ой!..

Дверь, ведущая в смежную комнату, открылась, из нее вышла Лида и быстро прикрыла дверь за собой. Она тоже еще, как и мать, была в ночной рубашке.

– Не «ой», а раньше, моя дорогая, нужно приходить домой! – не заметив складности своей речи, по-прежнему гневно и по-прежнему шепотом сказала Ане Нина Елизаровна.

– Стихами ругаетесь? – сонно, потягиваясь, спросила от двери Лида.

– Какими стихами? – не поняв, повернулась к ней мать. – Бабушка там проснулась, нет?

– Раньше еще, – ответила Лида. – Я ей уже судно давала. Через вас только выносить не хотела, чтобы не будить.

Аня между тем оторвала, наконец, голову от подушки и села на постели.

– О-ой!.. – все так же протяжно проговорила она. – Кто это придумал, чтобы на работу так рано?

– Девять часов – рано? – сказала Нина Елизаровна. – Ну, моя дорогая!

– Так сейчас-то семь еще.

– Ложиться вовремя – и семь часов будет не рано, – направляясь мимо старшей дочери в соседнюю комнату, проговорила на ходу Нина Елизаровна. – Не болтаться неизвестно где до часу ночи!

– Да ну а когда же «болтаться», как не в восемнадцать лет? – останавливая мать движением руки, тихо, так чтобы не услышала Аня, сказала Лида.

Нина Елизаровна не приняла ее шепота.

– И в тридцать, как я понимаю, – ответила она громко, – тоже не поздно.

Парализованная мать в соседней комнате, бабушка ее дочерей, не спала, и Нина Елизаровна могла позволить себе говорить во весь голос.

– А что про пятьдесят скажешь? – с вызовом, не дав сестре ответить, выкрикнула с раскладушки Аня.

– Аня! – останавливая ее, проговорила Лида.

Нина Елизаровна уже открыла дверь в соседнюю комнату, переступила даже за порог – и вышагнула обратно.

– Я за тебя еще в ответе пока. Ясно? – тяжело, придавливающе глядя на Аню, всем тем же гневливым тоном сказала она. – А матери ты не судья. Ясно? И чтоб в последний раз слышала!

Она зашла в комнату и с силой захлопнула за собой дверь.

– Что ты суешься не в свои дела? – упрёком, но и мягко вместе с тем сказала Лида младшей сестре.

– А что она не в свои?

– Ох, Анька!.. – Лида вздохнула. – Ты же ей дочь, не она тебе. Понимаешь, что такое материнское чувство, нет? – И махнула рукой. – Нет, не понимаешь еще.

– А ты-то откуда понимаешь? – как уличная, спросила Аня.

Лида помолчала немного.

– Просто я уже не маленькая. Оттуда.

– И я тоже уже не маленькая. Чтобы за каждым моим шагом следить. – Аня отбросила одеяло и встала с раскладушки. – Ничем дурным я, к твоему сведению, не занималась.

Лицо у Лиды враз так и вспыхнуло любяще-любопытствующей улыбкой:

– А чем? Чем ты занималась?

Аня пожала плечами:

– Стояла в подъезде здесь.

– Целовалась?

На лице у Лиды была все та же любяще-любопытствующая улыбка, и Аня отмякла, быстро подошла к сестре, заговорила торопливо:

– Слушай, мне кажется, ужасно меня любит. Краснеет. Хочет поцеловать – и боится. Смешно! Двадцать два уже, взрослый такой, армию отслужил, а боится. Пришлось самой действовать.

– Это который же? Миша?

– Он, ага. Жалко, ты его не видела, когда мы в театр ходили. На сегодня тоже куда-то достал. Часов так около шести зайдет. Будешь?

– А точно зайдет?

– Как собачка прибежит!

– Как собачка? – Лида засмеялась. – Ох, Анька...

Договорить она не сумела – дверь другой комнаты с шумом растворилась, и оттуда с судном в руках вышла мать.

– Что, все еще здесь? – прямо с порога сердито заговорила

она. – Будете потом опаздывать, от умывальника друг друга пихать. Ты-то уж не ребенок ведь! – добавила она, обращаясь к Лиде.

– И я – тоже! – с упрямством в голосе проговорила Аня, глядя на мать.

– Да, мама! – как вспомнив, с поспешностью сказала Лида, в общем-то и в самом деле вспомнив, но вовсе не потому торопясь, что боялась забыть, а чтобы не дать матери с сестрой сцепиться в ссоре. – У меня вчера из головы вылетело... я ведь слесаря вызвала, придет сегодня.

Нина Елизаровна не была в состоянии так вот сразу понять, о чем речь.

– Какого слесаря? – недоуменно спросила она.

– Обыкновенного. Раковину, наконец, нужно установить? Не для мебели же мы купили ее. Целый месяц уже торчит здесь.

До Нины Елизаровны дошло.

– А, ну да. Все некогда... забываю. Молодец. Ну-ка пропустите меня.

Неся перед собой судно на вытянутых руках, она прошла между дочерьми в прихожую, и те, едва пропустив ее, обе одновременно бросились к двери, каждая пытаясь проскочить первой. Ни той, ни другой это не удавалось, и Аня ради победы прибегла к излюбленному девчачьему силовому приему – ухватила сестру сквозь тонкую материю ночной рубашки за кожу на ребрах, защемила ее между пальцами.

– Ай! – взвизгнула Лида. – Анька, не щиплись! – Проход она, несмотря на примененный к ней силовой прием, не освободила.

– Так мне на пять минут раньше выходить! – продолжая, щипать сестру, объясняющее заверещала Аня.

– А мне дольше у зеркала стоять!

– Нечего стоять, и так еще ничего девушка, без всякой краски...

Но Лиде в конце концов удалось все-таки проскочить вперед, и Аня с обиженным видом потащила обратно к раскладушке убирать ее.

– Издеваются все над младшей, – громко, чтобы быть услышанной, проговорила она. Она еще не остыла от схватки, ей нужно было хотя бы словесно компенсировать свой проигрыш.

Из туалета донесся ревущий звук спускаемой в унитаз воды, и спустя мгновение в комнате с опорожненным судном в руках появилась мать.

– На, отнеси к бабушке, – подала она судно Ане.

– Я раскладушку убираю, – протискиваясь мимо матери со свернутым одеялом к платяному шкафу, сказала Аня. Открыла шкаф, положила одеяло и пошла обратно к раскладушке.

Нина Елизаровна заступила ей путь.

– Я тебя прошу.

– А тебе самой трудно?

– Мне не трудно. Но я хочу, чтобы это ты сделала. Это даже не выносить. Просто занести.

Аня стояла вплотную к матери, чувствуя сквозь легкую материю пижамы, как складки ночной рубашки матери касаются ее, и глядела в сторону, чтобы не встречаться с матерью глазами.

– Я не могу туда заходить, – сказала она. – Меня тошнит.

– Лида там даже спит. – По голосу, каким заговорила мать, Аня почувствовала, что та еле сдерживается. – И ничего! И не жалуется, что ночью ей, бывает, по несколько раз вскакивать приходится.

– Я не Лидка. Она такая, а я другая. Я не могу.

Нину Елизаровну охватила ярость. Но она не могла позволить себе повысить голос, потому что мать, там, за дверью, не должна была услышать, о чем они тут препираются. Тот бы радость доставили ей подобные препирательства.

– Она тебя нянчила! – тихим, стиснутым голосом с бешенством проговорила Нина Елизаровна. Она тебя больную выхаживала! Она бабка тебе, кровь твоя, да ты обязана!

Аня молча выхватила у нее из рук судно, демонстративно держа его на расстоянии от себя, прошла к двери в бабушкину комнату, открыла ее ногой, и до Нины Елизаровны донесся оттуда грохот судна, скорее не поставленного, а брошенного на пол... И буквально в то же мгновение Аня вновь появилась в дверях и быстро прикрыла их за собой.

– Все? Довольна? – теперь взглядывая на мать, спросила

она, проходя мимо нее.

Нина Елизаровна, совершенно обессиленная, стояла какое-то время неподвижно, потом провела обеими руками по лицу и с горечью покачала головой.

– В кого ты такая, боже мой! В кого? Ведь кобыла уже, замуж можно... а тебе все бы одни удовольствия от жизни. Потанцевать бы, поцеловаться, да работу полегче бы. И никакой цели. Светка, подруга твоя, что, талант какой-то? Нет, хуже тебя училась. А поступила и учится, второй курс уже. А ты прыг да скок, ведь в руки учебников не брала! Да я не уверена даже, что ты на экзамены ходила.

– А если б и не ходила! – Аня уже убрала всю свою постель в шкаф и теперь составляла раскладушку. – Вон, – кивнула она в сторону прихожей, подразумевая старшую сестру, – ходила, экзамены сдавала, сидела, зубрила, диплом получила – и нужен он ей?

– Аня, боже мой, да не об этом в конце концов разговор: диплом, не диплом. О том разговор, что жизнь – это не удовольствие сплошное, что в ней цель надо иметь... и что вообще... что вообще не из одних удовольствий...

Нина Елизаровна умолкла: все, что она говорила, она говорила впустую – Аня, оказывается, уже некоторое время наборматовала себе под нос какую-то меодию, точнее, как она сама говорила, ритм, и тем не допускала до своего слуха ни единого ее слова.

Когда Лида с полотенцем в руках, промокивая лицо, во-

шла в комнату, по поведению матери и сестры она сразу поняла, что между ними что-то произошло. В движениях матери, какими она убирала с дивана-кровати свою постель, сквозила истеричность, а сестра, складывая раскладушку, перегибала ее не в ту сторону, ничего, конечно, не выходило, и она, вместо того чтобы остановиться и разобраться, почему не выходит, бормоча проклятия, продолжала дергать ее навыворот.

– В другую сторону, Ань, – подсказала Лида сестре. И спросила: – Что, поцапались уже, да?

Никто из них ей не ответил. Нина Елизаровна швырнула в шкаф подушку, свернутую простыню, захлопнула створку – все молча – и стремительно пошла в прихожую. На пути ее была умывальная раковина, она наскочила на нее и чуть не упала. И вот тут сердце ее не выдержало:

– Ой, боже ты мой! Да когда уж эта проклятая раковина...

– Сегодня, – перебила Нину Елизаровну Лида. – Я же говорю, вызвала вчера слесаря.

– Могла б и пораньше, – ее же и обвинила в собственной неловкости Нина Елизаровна.

Она ушла, и Лида повторила свой вопрос, обращаясь теперь уже к одной Ане:

– Так что тут у вас?

– Да так, – отозвалась Аня, сложив в конце концов раскладушку. – Что, не знаешь мать? С пол-оборота.

– Она с пол-оборота, а ты-то что?!

– Ой, Лидка! – недовольно воскликнула Аня и сморщилась, будто ей неожиданно пронзило болью зуб. – Ты тут еще будешь!..

Она ушла вслед за матерью в прихожую поставить там на свое дневное место раскладушку... и вновь все втроем встретились лишь на кухне за скорым бутербродным завтраком.

Время уже начинало гнать, было уже не до конфликтов, и вторая половина утра обошлась без них.

– Мам, ты чулков моих не видела? – спрашивала Аня, бегая в их поисках по всей квартире.

– Чулок! – поправляла мать. – У тебя среднее образование.

– Ну, чулок! Не видела?

– Видела. На кухне, на холодильнике.

Было и комическое: Лида потянулась за своим надкусанным бутербродом, обнаружила его отсутствие на столе, сидела мгновение, ничего не понимая, – и поняла: бутерброд ее дожевывает мать. Спросила ошеломленно:

– Ты чего бутерброд мой съела?

– А, так это твой! – обрадованно ответила мать. – А я все думаю: вроде я себе с колбасой делала, а тут с сыром.

Потом Аня лихорадочно начала метаться из кухни в прихожую, из прихожей в комнату, из комнаты снова на кухню, разыскивая свою сумку, зонт, куртку.

– Ой, Лидка, – пробегая мимо Лиды, суматошливо попро-

сила она, – будь другом, позвони, сколько там времени?

– «Который час»! – услышав, поправила ее Нина Елизаровна.

Аня отмахнулась от матери:

– Ой, ну у меня же нет твоего высшего!

– Семь часов пятьдесят девять минут, – сообщила Лида, выслушав по телефону ответ автомата.

– Ой, опаздываю! – совсем заполошно заметалась по квартире Аня и между этими метаниями торопливо спросила Лиду: – Слушай, так в шесть ты дома будешь, ты мне не сказала?

– Буду, должна, во всяком случае, быть, – не понимая, к чему она, ответила Лида.

– Тогда, слушай: Мишка придет, ты уж его займи, я, может быть, задержусь немного.

– Ты задержишься? – удивилась Лида. – На работе?

– На какой работе, – нетерпеливо отозвалась Аня. – Дело у меня одно есть.

– Что за дело, раз ты в театр идешь? В театр! – подчеркнула Лида. – Перенеси на другой день свое дело.

Аня на секунду приостановилась.

– Не могу перенести. – И тут же проговорила прежним нетерпеливым тоном – Ой, да ну мне некогда обсуждать с тобой, я опаздываю. Займи, в общем.

Она вылетела из квартиры, хлопнув с размаху дверью, цепочка на двери позвякала, болтаясь от удара, умолкла, и вся квартира сразу наполнилась тишиной.

– О боже, – сказала Нина Елизаровна. – Целого часа ей не хватило собраться спокойно.

Она проговорила это самой себе, вовсе не ожидая никакого ответа от Лиды, но Лида не удержалась.

– Мама, перестань. Что ты все на нее... Так нельзя. Ведь ты ее просто затерроризировала.

– Я? Затерроризировала?! – мгновенно взвилась Нина Елизаровна. – К бабушке в комнату она входить не хочет – я ее затерроризировала? Из зарплаты копейки в дом не вносит – я ее затерроризировала?

Она могла, наверное, еще долго продолжать в таком роде, но Лида перебила ее:

– Мама, она еще просто не взрослая! Еще не созрела. Не чувствует еще. Не понимает. И насчет зарплаты тоже. Как это так: раньше обходились без ее денег. И ничего, А сейчас вдруг вынь да положь. Она просто не понимает.

– Вот-вот, – перебила теперь, в свою очередь, Нина Елизаровна. – Ты все понимаешь. Все прощаешь. Оттого и в жизни у тебя так. Тридцать лет, а все с матерью...

– Мама! – запрещающее, едва не криком, остановила ее Лида. – Мама! Я прошу тебя!

Привлекательное ее, молодое еще лицо все пошло красными пятнами. То как бы несколько отрешенное выражение в глазах, которое, может быть, и составляло главную прелесть ее лица, полностью, до самого дна вытеснилось стыдом.

Нина Елизаровна хотела сказать дочери кое-что еще, но эти красные пятна, этот стыд в глазах заставили ее сдержаться. Некоторое время они сидели за столом напротив друг друга молча, потом Лида, не допивая своего чая, встала и ушла в прихожую одеваться. На кухню она вернулась уже в плаще, совсем готовая уходить.

– Во сколько ты выйдешь? – спросила она мать. Голос ее был сдавлен, однако говорить она старалась ровно и спокойно.

Нина Елизаровна работала экскурсоводом в музее, смена ее нынче начиналась в два часа, и значит, выходить из дома нужно ей было где-то в час, в начале второго.

– Понятно – выслушав ее, что-то прикидывая про себя, сказала Лида. – Мы с Мариной возьмем тогда работу домой, но раньше половины второго нас едва ли отпустят...

– Ничего – сказала Нина Елизаровна. – Час, полтора, в крайнем случае, бабушка и одна побудет. В двенадцать я ее покормлю, как обычно, и побудет.

– Побудет, – отозвалась Лида. – Только, по-моему, мучается она очень, когда одна остается... боится. Может быть, ты сможешь меня дождаться?

Непонятно, зачем она просила об этом, ведь знала же, что нет, и Нина Елизаровна ответила с резкостью:

– Только не надо, меня не мучай. Тебе она бабушка, а мне мать. Как будто бы я не переживаю! Не могу дождаться. Никак. У меня тоже работа. И я привыкла делать ее как следует.

– Мама, я тебе не в упрек, – с терпеливостью в голосе произнесла Лида. – Не можешь, значит, не можешь.

Она сходилa в дальнюю комнату, попрощалась там с бабушкой, кивнула матери из прихожей, но Нина Елизаровна задержала ее, спросив с кухни:

– А почему ты с Мариной придешь, я не поняла. Ты сказала: «Мы с Мариной».

– Да, мы вместе отпросимся. Она мне кое-какие свои вещи примерить принесет. Для поездки с Андреем.

– Надо обходиться тем, что имеешь сама, – сказала с кухни Нина Елизаровна.

– Мне хочется быть нарядной рядом с ним, – с прежней терпеливостью в голосе сказала Лида. – Чтобы ему приятно было. Я ведь не сама по себе буду. С ним.

– Я, знаешь, была бы более счастлива, если бы ты была рядом с кем-нибудь другим.

– Мать снова выходила на *ту*, запретную, тему, и Лида снова остановила ее:

– А я бы не была. О чем разговор, мама?

Нина Елизаровна догнала ее уже около лифта.

– Забыла спросить тебя. Ты вроде кофе купила. Где он, чтоб мне не искать?

Лида удивилась. Мать не пила кофе.

– Зачем тебе?

Нина Елизаровна помялась мгновение.

– У меня гости будут, – сказала она с уклончивостью.

– Сейчас, утром?

– Ну а почему нет?

– Да нет, ничего. Просто так неожиданно... ничего не говорила – и вдруг гости. Там кофе, в полке, за фарфором стоит.

– За сервизом?

– А! – Лида улыбнулась. – За сервизом. Это я все по детской привычке его так. – Пришел, лязгнул у нее за спиной, останавливаясь, лифт, и она повернулась, нажала на ручку, открывая дверь шахты. – Все, я ушла?

– Да, конечно, – с поспешностью отозвалась Нина Елизаровна. – Беги.

Железная дверь шахты захлопнулась, простучали закрытые Лидой деревянные дверцы, лифт снова лязгнул, и кабинка с Лидой внутри уплыла вниз.

2

Клубились толпы на автобусных и троллейбусных остановках. Чреватые машины – отфыркиваясь отработанными газами, позванивая усами токоприемников, вздетых к натянутым над дорогой проводам, – подруливали к остановкам, расходились с натужным скрипом складни дверей, а там, за дверьми, было плотно и туго – не влезть, казалось, и мыши. Но толпа на остановках присасывалась к распахнутым чревам, надавливала, и внутри начиналось движение, бубнил в

динамик водитель: «Машина не резиновая, закрываю, граждане, двери!» – но машина оказывалась резиновой: куда, казалось, не влезть и мыши, влезал и один человек, и другой, и целый десяток... и обремененные хрупким, нежным грузом человеческой плоти железные машины катили дальше, чтобы исторгнуть из себя этот груз, эту смятую человеческую плоть возле станций метро.

Возле воронок метростанций тоже сбивались толпы; но они не клубились, народ в них не шарахался из стороны в сторону, чтобы подгадать к месту, где окажутся двери машин, – разинутые двери метростанций были неподвижны и втягивали, втягивали в себя толпу по человеку, и вытягивали ее всю до последней капли; а в это же время из других дверей, рядом, выскакивали в надземный воздушный простор те, что уже были перевезены поездами подземки, прибыли или приблизились к месту своего дневного рабочего обитания, чтобы войти, подняться, предъявить пропуск, раздеться, переодеться, включить, достать из (извлечь из ночного покоя) – начать создавать то, что в сводке ЦСУ в конце календарного года будет называться валовым национальным продуктом.

* * *

Вернувшись в квартиру, Нина Елизаровна с минуту, а то и дольше с какою-то неутренней усталостью недвижно стояла

в прихожей, потом со вздохом провела руками по лицу, словно бы снимая с него нечто невидимое, сказала самой себе: «Ну ладно...» – и совсем иным, чем все утро, энергичным, бодрым шагом пошла в комнату. Там она поставила телефон на журнальный стол, села в кресло поудобнее и набрала номер. И снова совсем иным, чем с дочерьми все утро, жизнерадостным, полным силы голосом проговорила в трубку, когда на ее звонок там отозвались:

– Леночка, ты? Доброе утро, милая. Это я, Нина. Хотела тебя застать, пока ты не ушла еще. Я тебе обещала вспомнить вчера, как ту, из салона, зовут. Мне, представляешь, среди ночи вспомнилось. Мать не спала, вставала к ней – и только легла, как откуда выскочило будто. Любой ее зовут. И ей надо сказать, когда позвонишь, что от Веры Петровны. И она тебя без всякой очереди, назначит тебе час, и придешь...

Подруга спросила ее, кто такая Вера Петровна, и Нина Елизаровна со звонкостью рассмеялась на ее вопрос:

– Да понятия я не имею, кто такая Вера Петровна, Это вроде. пароля. Просто от Веры Петровны, и все хитрости.

Разговор был исчерпан, но подруга чувствовала себя обязанной и принялась толочь что-то о встрече, к которой обе они были не готовы, и обе знали это, но ни одна не высказала того впрямую.

– Ой, и я все думаю, как бы встретиться? – сокрушенно отозвалась Нина Елизаровна на ее предложение. – Мы ведь с тобой когда же это в последний раз виделись? Весна была,

май, я помню... полтора года, выходит! Давай созвонимся. давай. И мне уж невтерпеж. Пока, милая, целую.

Положив трубку, некоторое время Нина Елизаровна снова сидела в полной неподвижности, потом резко, единым движением, с легкостью поднялась и принялась за утреннюю уборку квартиры. Впрочем, уборка была небольшая – вымыть после завтрака посуду, убрать остатки еды в холодильник, смахнуть кое-где влажной тряпкой пыль, затолкать на место брошенные куда попало Анины вещи, когда та искала свои чулки. Мать, как обычно по утрам, есть отказалась и только попила чаю.

Еще Нине Елизаровне нужно было поработать. В музее создавалась новая экспозиция, и на ней лежала подготовка текстов. Нина Елизаровна сняла с книжного шкафа красную картонную папку с необходимыми бумагами, расположилась все за тем же журнальным столом, как она любила, хотя, сидя за ним, приходилось слишком сгибаться, вся подобралась, сосредоточилась... Дверь между комнатами была открыта, и время от времени Нина Елизаровна отрывалась от своих бумаг, выгибалась в сторону, заглядывала через дверь в смежную комнату – как там мать. Мать, похоже, после бессонной ночи сморило, и она спала. Тишину квартиры, такую странно удивительную после всего шума первого утреннего часа, нарушали только заоконные, уличные звуки: грохочущий рев мотора проехавшей тяжелой машины, короткий автомобильный сигнал... Рассвет за окном наливался силой, окно

все больше и больше прозрачнело, и в какой-то момент, когда Нина Елизаровна оторвала глаза от работы, она обнаружила, что в комнате уже совсем светло, что за окном уже белый день. Она бросила взгляд на будильник и всполошенно вскочила.

– О господи! – забывшись, воскликнула она вслух. – Уже десять.

И тут же спохватившись, оглянувшись, не разбудила ли мать. Но мать спала, и Нина Елизаровна, стараясь ступать как можно мягче, прошла к двери между комнатами и плотно закрыла ее.

Торопясь, роняя от спешки бумаги на пол, она быстро расчистила стол, завязала папку и убрала ее обратно на книжный шкаф. Вместо старого, застиранного «хозяйственного» халата надела другой – яркий, атласный, длинный, так что скрыты были даже щиколотки. Поколебавшись, где накрыть стол – на кухне или в комнате, решила все-таки накрывать в комнате. Лучше бы, конечно, на кухне, но на кухне оттого, что зимой в морозы зажигали для обогрева на полную мощь все четыре горелки, основательно, до черноты, закоптился потолок, и она стеснялась этой грязи.

Накрыла она все тот же журнальный стол – поставила вазочку с печеньем, вазочку с яблоками, две чашки для кофе. И была всю эту пору, что готовилась к «гостям», возбужденно оживлена – совсем не напоминала себя утреннюю.

Звонок в прихожей, после того как она полностью уже бы-

ла готова к приему, не заставил ждать ее слишком долго. И это был *тот* звонок.

– Ой, боже мой, спасибо! – воскликнула она, утыкаясь носом в преподнесенные цветы, хотя это были гвоздики и пахнуть они никак не могли. – Спасибо, Евгений Анатольевич!

Евгений Анатольевич пробормотал что-то вроде того, что хотел розы, но роз нигде нет, Нина Елизаровна остановила его: «Да ну что вы, прекрасные цветы!» – однако и после, пока раздевался, попытавшись даже снять ботинки и остаться в носках, Нина Елизаровна все время чувствовала в нем ту скованность и неестественность движений, которые присущи обычно застенчивым от природы и мягким людям, когда они приходят в незнакомый дом, да еще тем более к женщине.

– А-ага. Вот, значит, где вы живете! – сказал Евгений Анатольевич, окидывая взглядом комнату.

– И как! – со сдавленным смешком прокомментировала Нина Елизаровна. Скованность Евгения Анатольевича скрывала и ее. – Не роскошно, знаете, но я считаю, счастье не в том, чтобы в роскоши... У меня две дочери, обе уже взрослые... и у нас у всех троих хорошая, любимая работа, и мы все трое дружны... вот это, знаете, всего дороже. В этом и счастье. Я так считаю.

Евгений Анатольевич с улыбкой смущения на лице согласен закивал:

– Я так, когда вас увидел... когда вы нашу группу повели.

я так и подумал: вот сразу видно, подумал, счастливый человек. На лице у вас это было... И загадал, такая идиотическая привычка с детства, ничего буквально без загадывания не умею делать, загадал, в общем: если вы на меня за экскурсию три раза взглянете, я к вам подойду.

– Но почему же именно потому решили, – в голосе Нины Елизаровны прозвучала несколько тревожная недоуменность, – почему решили подойти именно потому, что я вам показалась счастливой?

– Да почему... – Евгений Анатольевич мало-помалу справлялся со своим смущением, и первоначальной скованности оставалось в нем все меньше. – Да потому что счастливый человек – красивый. Не довольный жизнью, сытый... а как раз так вот, как вы: счастливый работой, семьей. Я, конечно, не знал, не надеялся особо, что вы... ну, свободны, в общем... но я надеялся. Ведь должно же человеку, когда ему не везет в жизни, ну вот в этом как раз... должно же в конце концов повезти...

Нина Елизаровна положила цветы на пустой обеденный стол с четырьмя задвинутыми под него стульями и спросила с поддразнивающе-призывной улыбкой:

– И как вы считаете: повезло?

Когда моложавая, хорошо сохранившаяся пятидесятилетняя женщина хочет понравиться, и не просто понравиться, нет – обворожить, она умеет заставить своего сверстника увидеть ее юной и волнующе прекрасной, словно бы лишен-

ной груза всех прожитых ею лет.

Евгений Анатольевич неуверенно ступил вперед, Нина Елизаровна вся подалась к нему, и он протянул к ней руки, сделал еще шаг:

– Мне каже... – и зацепился ногой за умывальную раковину, станцевал в воздухе корявое, неуклюжее па, чудом лишь удержавшись на ногах. – Черт! – вырвалось у него, и он сконфузился.

– Ой, боже мой! – испуганно воскликнула Нина Елизаровна. – Вы не ушиблись?

– Да пустяки... – Евгений Анатольевич страдал не только от своей неловкости, но и оттого, что не сумел замять ее какой-нибудь шуткой, ругнулся, сконфузился вот – и все испортил.

– Ну, слава богу! – Нине Елизаровне тоже было неловко, что у нее тут, едва не посередине комнаты, лежит эта раковина. – А то уж я... Знаете, купили вот, нужно в ванной комнате поменять, та протекает, пластилином, знаете, трещины замазываем... и вот лежит здесь, чтобы на виду, знаете, да некуда больше. У меня, знаете, бабий дом, четверо – и все женщины, это пустячная, наверно, работа – раковину поменять, но если бы мужские руки в доме...

Евгений Анатольевич понял это как намек. И с радостью отозвался, тем более что ему хотелось поскорее исправить впечатление о себе:

– Я с удовольствием! Для вас, Нина... Я вообще не боюсь

никакой работы. Там разводной ключ нужен. Есть разводной ключ у вас?

– Женья! Ну что вы! – Нина Елизаровна от души рассмеялась. – Какой разводной ключ? У меня-то в доме? У нас отвертки нет! Давайте кофе пить, – меняя тон, предложила она. – Вы пьете кофе? – Евгений Анатольевич молча кивнул. – Чудесно! Видите, как чудесно назначать свидания по утрам – можно пить кофе и не бояться, что потом не уснешь.

Говоря это, она быстрым шагом пошла к двери в прихожую и на ходу легким касанием дотронулась рукой до его плеча. Евгений Анатольевич торопливо повернулся вслед ей, попытался схватить ее руку, но Нина Елизаровна не дала.

– Одно мгновение! – Улыбка словно пропорхнула по ее лицу.

Евгений Анатольевич остался в комнате один. Проводив взглядом исчезнувшую Нину Елизаровну, он первым делом глянул на умывальную раковину у себя под ногами. Глянул и сокрушенно вздохнул. Подошел к журнальному столу, взял яблоко из вазы, провел по его круглому боку рукой, будто погладил, и положил яблоко обратно. Повернулся, заметил медвежью голову с ружьем, подошел к дивану вплотную и так и впился в ружье глазами.

За этим занятием – разглядыванием ружья – его и застала Нина Елизаровна, вернувшись в комнату с кофейником.

– Прошу! – позвала она Евгения Анатольевича к столу.

– Какое у вас ружье, Нина! – не отходя от дивана, лишь повернувшись в ее сторону, с восторгом сказал Евгений Анатольевич. – Я не охотник и не разбираюсь, но у меня есть приятель, и у него подобное, старинное еще, так ведь ему цены нет!

Нина Елизаровна поставила кофейник на стол и разогнулась.

– Это папино, от него осталось. А ему еще до моего рождения в награду за что-то вручили. В детстве знала за что, сейчас забыла.

– А что отец... он у вас кем был? – Евгений Анатольевич проговорил это с невольным почтением в голосе.

Интонация его доставила Нине Елизаровне удовольствие.

– Да, вы правильно догадались. Он в нескольких книгах о гражданской войне упоминается. Он мамы на пятнадцать лет старше был. Но она была с ним счастлива. Несмотря ни на что...

Слушая ее, Евгений Анатольевич потянулся к ружью, чтобы снять его, и Нина Елизаровна перебила самое себя:

– Не трогайте, вы что! А вдруг заряжено? Оно тут висит и висит... а вы ведь не понимаете!

Боясь разбудить мать, Нина Елизаровна говорила негромко, но все равно слова ее прозвучали окриком, и Евгений Анатольевич судорожно отдернул от ружья руки.

– Да-а, действительно... простите. А почему вы сказали «несмотря ни на что»? Счастливы, несмотря ни на что...

– Да жизнь потому что ей выпала, знаете ли... – Нина Елизаровна подсадовала про себя, что так резко одернула Евгения Анатольевича, когда он хотел снять ружье. – У папы трое детей от прежней жены, всех пришлось растить, да я еще появилась. И всё по гарнизонам. Из гарнизона да в гарнизон. Ни института, никакой другой личной жизни... Но папа такой был... наверно, с ним и я бы могла так. Наверное. Не знаю. Все-таки мама, знаете, еще других была представлений о жизни... – Она умолкла, молчала мгновение, все продолжая досадовать на себя, и решительно переступила через недовольство собой, как бы встряхнувшись внутренне, спросила: – Ну, будете пробовать мой кофе?

Евгений Анатольевич согласно развел руками: а как же! Они сели в кресла за журнальный стол напротив друг друга, и Нина Елизаровна разлила дымящийся, горячий кофе по чашкам.

– А вы мне о своей жизни? – сказала она с прежней своей поддразнивающе-ободряющей улыбкой, откидываясь на спинку кресла. – Расскажите. Ведь я только то о вас знаю, что вы в Москву в командировку на какие-то курсы приехали.

Евгений Анатольевич пробормотал стесненно:

– Вот так, специально... Хм... неловко как-то... Ну да, в командировку. Министерство наше курсы по АСУП, автоматизированная система управления такая, провести для нашего брата решило. Я вообще диспетчер. На заводе. Старший вообще диспетчер, но это уже так, без разницы. В мои годы

быть просто диспетчером несолидно. — Он похмыкал. — Что это такое, вы представляете? Романтического такого особенно ничего. У завода, как вы понимаете, план, график прохождения заказов... детали какой-нибудь одной вовремя не оказалось, все полетит. Вот и следишь. Звонишь, требуешь, упрасиваешь. Ты кричишь, на тебя кричат. Обычное, в общем, дело.

— Вы? Кричите? — Нина Елизаровна засмеялась заразительно и поддразнивающе. — Так на вас не похоже.

— Вы правы, да. Мне это тяжело. Но что поделаешь... ничего не поделаешь. — Он подался вперед, потянулся рукой к ее руке на столе, Нина Елизаровна не убрала руки, и он накрыл ее своей. — Какая вы, Нина... я был уверен, я это почувствовал... как вы все тонко и точно...

Рука у Евгения Анатольевича была большая, теплая. руке Нины Елизаровны было хорошо и уютно под нею, и Нина Елизаровна закрыла невольно глаза.

— Женя! Ах, господи, как это смешно, в нашем-то с вами возрасте... Я, знаете, когда вы подошли, я вас сразу... да, именно почувствовала, тоже... а я, знаете, я очень нелегко иду на сближение, мне, это очень нелегко...

Не отнимая своей руки, от ее, Евгений Анатольевич поднялся и, двигаясь вокруг стола, пошел к Нине Елизаровне.

— Ни-ина!..

По-прежнему с закрытыми глазами Нина Елизаровна, подняла к нему лицо:

– Же-еня!..

Она еще произносила его имя, – в соседней комнате с тяжелым грохотом что-то упало. Это было так неожиданно, так пугающе-громко, что Евгения Анатольевича с Ниной Елизаровной буквально отбросило друг от друга.

В следующее мгновение Нина Елизаровна пришла в себя.

– Ой, боже мой! – воскликнула она, бросилась к двери в соседнюю комнату – и исчезла за нею.

И снова Евгений Анатольевич остался один. Растерянность и недоумение на его простодушно-доверчивом лице сменились мало-помалу глубочайшим огорчением. Он сел в кресло, посидел-посидел в неподвижности, потом взял свою чашку с кофе и начал пить глоток за глотком, с механической тупой заведенностью, ставя чашку на стол и тут же вновь поднося к губам, пока не выпил всю до дна.

Он выпил ее, и ему стало нечем заняться. Он поозирался по сторонам, встал, подошел к книжному шкафу... но и смотреть книги было сверх его сил.

Наконец дверь. соседней комнаты растворилась и выпустила Нину Елизаровну, которая не забыла закрыть ее за собой с величайшей тщательностью.

– Что случилось? – бросился к Нине Елизаровне Евгений Анатольевич. – Может быть, нужна моя помощь?

– Да ну какая такая помощь, – с выражением смущения и досады на лице ответила Нина Елизаровна.

– Нет, вы не стесняйтесь... зачем же. Мне ведь не трудно,

мне наоборот...

У Нины Елизаровны вырвался легкий, беглый смешок все того же смущения.

– Это, Женя, мама там. В параличе, пятый уже месяц. Решила рукой, что у нее действует, судно сама взять, Так что в смысле помощи...

Евгений Анатольевич с участливостью и даже, пожалуй, сострадающе покачал головой:

– Паралич... и какой же прогноз?

– Прогноз? С надеждой, Женя. Только пока она не проблискивает что-то... – Нина Елизаровна подалась к нему, забросила ему руки на шею и легла головой на грудь. – Женя! Ах, Женя!.. – проговорила она напряженным прерывающимся шепотом. – Так порою хочется рядом крепкой мужской руки! Крепкой мужской поддержки! Мужской уверенности и силы! Так я устала... так я устала!

– Милая! Милая!.. – гладил ее по голове Евгений Анатольевич с глуповатым выражением блаженства на лице. – Невыразимая! Чудная! Надо мне было пойти в этот музей... Чудная!

– Же-еня! Какой ты... – Нина Елизаровна открыла глаза. – У меня кружится голова от тебя. И так нравится, как пахнешь, – ткнувшись носом в его щеку, скороговоркой добавила она.

Евгений Анатольевич увидел вдруг, что халат у нее распахнулся, а под халатом на ней почти ничего нет. Он поте-

рля голову.

– Ни-ина! Если бы можно было... если бы ты согласилась...

– Нет-нет, ты что! – торопливо ответила Нина Елизаровна. – Мама здесь.

– Но почему? Ты ведь согласна? Ведь да? Чудная!.. Это должно у нас быть, я тебя как увидел тогда... это должно быть!

Нина Елизаровна еще теснее вжалась лицом в его щеку.

– Женя! – простонала она шепотом, – зачем ты меня мучаешь... я так тяжело на сближение...

– Что ты, что ты! – так же шепотом проговорил Евгений Анатольевич. – Мы знали друг друга еще до нашего рождения. Мы только не встретились раньше... это судьба...

Он умолк, и в наступившее мгновение молчания Нина Елизаровна с решительностью высвободилась из его рук и бегло поцеловала в губы.

– Подожди. Я постелю постель.

Открыв шкаф, она достала оттуда простыню, подушку, одеяло, скорыми, точными движениями постелила на диване постель, скинула с себя халат и нырнула под одеяло.

Ошеломленный быстротой ее действий, Евгений Анатольевич, осознавая происходящее, несколько секунд просто-ял столб столбом, потом торопливо начал разоблачаться, но только скинул пиджак и расстегнул брючный ремень – в дверь позвонили. Долгим, требовательным, оглушающим

звонком.

Евгений Анатольевич как был, так и застыл. Нина Елизаровна приподнялась на локте и, пока звонок звенел, с недоуменным испугом смотрела туда, откуда он раздавался: в сторону прихожей.

– Странно, – взглянула она на Евгения Анатольевича, когда звонок умолк. – Вроде бы мои не должны... – и приложила палец к губам. – Тсс! Нас нет. Нет, и все. «Иди сюда», – позвала она Евгения Анатольевича знаком руки к себе.

Евгений Анатольевич наконец ожил, взялся было за брючный пояс, но звонок раздался вновь. Все с той же требовательностью и звучащим в нем правом быть таким.

– Н-но... но может быть, – запинаясь, выговорил Евгений Анатольевич, – это какая-нибудь из ваших дочерей... что-то забыла, ей нужно...

Мгновение Нина Елизаровна молча смотрела на него, затем с той же быстротой, с какой легла, поднялась, надела халат, начала убирать постель обратно в шкаф, и Евгений Анатольевич, справившийся за это время со своим ремнем, всунувший его обратно в петли пояса, бросился помогать ей.

Звонок между тем все звенел. Оборвался он лишь тогда, когда Нина Елизаровна щелкнула замком и отворила дверь.

На пороге стоял незнакомый ей парень лет тридцати в рабочей, нечистой одежде, в руках у него был отягощенный инструментом, уродливо раззявленный неопрятный портфель.

– Слесаря вызывали? – громко и бесцеремонно спросил

он.

– Слесаря? – Нина Елизаровна оглушенно смотрела на него и ничего не могла понять. – А-а, слесаря! – дошло до нее наконец в какой-то момент. – Ой, боже мой! Вы раковину устанавливать?

– А это мы поглядим на ваше поведение, – тоном шутки сказал слесарь и с тою же бесцеремонностью, что была в его голосе, ступил прямо на Нину Елизаровну, так что ей, чтобы он не задел ее, пришлось посторониться, и вышло, что, не желая того, она пропустила его в квартиру. – Где ваш фаянс-то? – спросил он, пройдя прихожую и остановившись возле дверей, что вели в комнату.

– Вот, – показала через его плечо Нина Елизаровна в глубь комнаты. Ничего другого не оставалось ей делать, раз уж слесарь прошел.

– Ну отхватили, хозяева, – сказал слесарь. – Красавица. Употел, поди, пока допер? – посмотрел он на Евгения Анатольевича, всю эту пору молча стоявшего как раз над раковиной. Евгений Анатольевич, не зная, что ответить, беспомощно взглянул на Нину Елизаровну, но слесарю не нужен был его ответ. Оттеснив Евгения Анатольевича, он присел над раковиной, перевернул ее, померил у нее что-то пальцами. – Поня-атно, – сказал он, поднимаясь. – Где она у вас стоять-то будет?

– Пойдемте, – позвала его Нина Елизаровна. И ответила взглядом на ищущий взгляд Евгения Анатольевича: что те-

перь поделаешь, влипли!

Она ушла со слесарем в ванную, и то недолгое время, что их не было, Евгений Анатольевич все мучился, надевать пиджак, так скомканно, так *компрометирующе* валяющийся на кресле, или не надевать. И в конце концов надел.

Нина Елизаровна, ничего не поняла из действий слесаря в ванной. А он, померив что-то и у расколотой раковины, похмыкал и пошел обратно в комнату.

– Что, хозяин, – сказал он Евгению Анатольевичу с порога, – когда покупал, глазами-то не смотрел?

Евгений Анатольевич потерялся.

– Простите, н-но...

– Объясните мне, в чем дело, – дотронулась Нина Елизаровна до плеча слесаря. – Мне, я вас прошу. Мне.

Слесарь повернулся.

– А! Ясно. У меня у самого то же: баба хозяйка в доме. – И добавил, через самую малую паузу: – Тридцать два сантиметра кронштейны нужны!

– Какие кронштейны? – недоумевающе спросила Нина Елизаровна.

– Какие-какие! Тридцать два сантиметра, говорю.

– Это, Нина, такое профильное литье... – торопливо влез с объяснением Евгений Анатольевич. – Штуки такие железные, на которых раковина стоит.

– Ну и что? – выслушав объяснение Евгения Анатольевича, снова посмотрела на слесаря Нина Елизаровна. – Ничего

не пойму. Вы их от меня, что ли, хотите?

– А вы бы от меня хотели? – сказал слесарь. – У меня их нет.

– Что значит «нет»? А сейчас раковина на чем стоит?

– На кронштейнах.

– Ну, так и ставьте на них!

Слесарь, усмехаясь, покрутил головой.

– Ох, народ! Ох, народ! Раковину-то, говорю, какую купили? Под тридцать два сантиметра. А у вас сейчас – двадцать семь. Как я ее на них поставлю? Никак! Так что все, хозяйева, говорил же – посмотрим на ваше поведение.

– Постойте! Постойте... – голос у Нины Елизаровны упал. Она еще не постигла происшедшее во всей полноте, но ясно было, что дело с раковиной оказывалось куда сложнее, чем предполагалось. – Как же так? Так долго мы ее не могли купить... собрались наконец. Так трудно было везти... да не может же быть, что у вас нет этих кронштейнов.

– Нет, хозяйка! – поднял с пола свой раззявленный портфель слесарь. – Нет! Откуда? Мы же не строительная контора. Нам не дают никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.